

Е. В. Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

egorka1988@gmail.com

ПРОБЛЕМА ЗАИМСТВОВАНИЯ МОДЕЛИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ: НЕКОТОРЫЕ ЭМПИРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Статья посвящена явлению заимствования модели (калькирования) в лексической семантике: лексема одного языка в этом случае копирует такую полисемию, которая имеется в контактном языке. Обсуждение основано на опыте полевой работы автора с некоторыми уральскими языками, распространенными на территории России и подвергающимися существенному влиянию со стороны русского языка (в ряде случаев и со стороны других языков России), а также с контактными вариантами русского языка. Кроме того, привлекаются корпусные данные. На конкретных примерах рассматривается возможная в ареальных и лексико-типологических исследованиях аргументация того, что в конкретном случае произошло заимствование модели (инновационный характер модели для языка-реципиента; наличие в языке-реципиенте другой модели для выражения того же значения; социолингвистические факторы, касающиеся как идиома в целом, так и языковой биографии конкретных носителей). Анализируются методологические сложности, возникающие при рассмотрении ряда примеров (оценка типологической распространенности модели; разграничение заимствования модели и лексического упрощения; различия в наборе ситуаций, покрываемых лексемами языка-источника и языка-реципиента в исходном и в метафорическом доменах; определение направления возможного заимствования).

Ключевые слова: лексика, семантика, типология, заимствование модели, языковые контакты, социолингвистика, русский язык, уральские языки

1. Введение

В статье обсуждается явление заимствования модели (калькирования) в лексической семантике, когда лексема языка-реципиента приобретает новое употребление под влиянием модели полисемии в языке-источнике. В [Zalizniak et al. 2012: 647–648] иллюстрацией этого явления служит полисемия лексемы ‘ячмень’, обозначающей

во многих языках как растение, так и воспаление в области глаза. Под влиянием греческой лексемы *krithē* (она объединяет оба значения) и латинских *hordeum* ‘ячмень (растение)’ и *hordeolum* ‘ячмень (воспаление)’ такая полисемия благодаря культурным и научным контактам распространилась на многие языки, ср., помимо русского, немецкий (лексема *Gerstenkorn*), армянский (лексема *gari*), французский (лексемы *orge* и *orgelet*) и др.

При рассмотрении подобных примеров встает вопрос о том, имеет ли место в конкретном случае заимствование модели или независимое развитие полисемии. Это важно, во-первых, для определения самого предмета исследования языковых контактов и контактно обусловленных явлений. Во-вторых, разграничение между заимствованием модели и независимым развитием полисемии нередко проводится в лексико-типологических работах, где ставится задача инвентаризации сдвигов значения, воспроизводящихся в разных языках независимо в силу семантических и, шире, когнитивных закономерностей, а не просто в силу ареальной близости языков. В-третьих, подобный вопрос встает при разметке корпусов, см., например, разграничение помет «лексическая калька» и «нетривиальный выбор лексемы, который нельзя явным образом объяснить калькированием» в корпусе [Ruscontact].

В настоящей статье мы попробуем систематизировать возможные аргументы за и против трактовки примеров лексической полисемии как заимствования модели. В том числе мы остановимся на неочевидных случаях, потенциально допускающих различные трактовки, и попробуем оценить их с точки зрения как подходов к языковым контактам, так и лексической типологии. Обсуждаемый материал основан на нашем опыте полевой работы с уральскими языками России (в частности, горномарийским, коми, удмуртским, мокшанским), а также с локальными вариантами русского языка, испытывающими влияние контактирующих языков (в первую очередь учитываются варианты, соседствующие с горномарийским и мокшанским языками). Примеры, записанные в полевых условиях, приводятся в статье без эксплицитного указания источника (в системе записи, принятой в экспедиционном проекте по соответствующему языку). Идиомная принадлежность данных указывается подробнее при анализе конкретных примеров.

Далее в разделе 2 приводится краткий обзор работ предшественников. В разделе 3 обсуждаются примеры возможного заимствования модели и подходы к их трактовке. Раздел 4 содержит основные выводы.

2. Заимствование модели полисемии: традиции описания

Явление заимствования модели на различных языковых уровнях обсуждалось во множестве работ, см. [Thomason 2001; Matras 2009; Grant (ed.) 2019; Hickey (ed.) 2020] и приводимые в этих источниках библиографические ссылки. В [Thomason 2001: 91–95] в качестве возможных аргументов за заимствование модели приводятся возможность идентифицировать язык-источник, имеющий тесные

контакты с языком-реципиентом и параллельную модель, которая и была заимствована; инновационный характер рассматриваемой модели в языке-реципиенте (т. е. ее отсутствие до контакта с языком-источником); наличие других подтвержденных случаев заимствования модели между заданной парой языков. Рассуждения такого рода применяются и в других исследованиях. На практике, однако, привести аргументы всех упомянутых типов проблематично (например, у исследователя может не быть достаточных данных о состоянии языка-реципиента до его контакта с языком-источником). Поэтому утверждение о контактной природе того или иного явления во многих случаях либо не делается, либо носит вероятностный характер.

Что касается лексики, то она, как правило, оставалась на периферии этой теоретической дискуссии. При этом не очевидно, какие из используемых в грамматических исследованиях критерии определения заимствования модели и в какой мере применимы к лексическому материалу, учитывая различные его особенности: бóльшую легкость лексических заимствований по сравнению с заимствованиями в грамматике (см., например, [Thomason 2001: 70–71]), высокую скорость изменений в лексике (см., например, обсуждение в [Рахилина, Прокофьева 2004]), их бóльшую заметность для носителей (ср. наблюдения о влиянии английского языка на различные выражения, входившие в тот или иной период в моду в русском языке, в [Крысин 2002; Левонтина 2012; Северская, Саакян 2023] и др.).

Теоретические работы о лексических заимствованиях ([Haugen 1950; Haspelmath, Tadmor (eds.) 2009; Epps, Law 2019; Mott, Laso 2019; Durkin 2020; Manfredi 2020] и др.) в основном посвящены материальным заимствованиям (matter borrowing), ср. их подробную классификацию по частям речи и семантическим группам в [Haspelmath, Tadmor (eds.) 2009]. Случаи заимствования модели либо не обсуждаются в указанных работах вовсе, либо приводятся лишь отдельные примеры вероятного калькирования без разбора того, как его определять. При этом к семантическому калькированию не применимы критерии, связанные с межъязыковыми фонетическими соответствиями и отклонениями от них, представляющие убедительные аргументы относительно материальных заимствований. Поэтому используемая в таких случаях аргументация должна иметь другие основания.

В работах по лексической типологии определение заимствования модели в целом сводится к некоей имплицитной интуиции. Так, в статье [Рахилина, Резникова 2013: 19], представляющей популярный в последние десятилетия фреймовый (ориентированный на анализ сочетаемости) подход к лексической типологии утверждается, что «кальки в типологическом исследовании не нужны, борьба с ними тоже отнимает много времени», однако способы «борьбы с кальками» не эксплицируются. Аналогичная краткая формулировка приводится в [Rakhilina, Reznikova 2016: 114]. В обзоре «Каталога семантических переходов» Анны А. Зализняк и ее коллег [Zalizniak et al. 2012: 647–649] приводятся несколько более развернутые соображения, сводящиеся к следующему. Кальки, с точки зрения авторов, должны

иметь меньший вес при типологической оценке данных, чем независимо развившиеся переходы. В то же время уверенно доказать или опровергнуть заимствование модели можно далеко не всегда, а кроме того, калькирование семантического сдвига может, как и независимое развитие, свидетельствовать о его когнитивной значимости. Решение, к которому приходят Анна А. Зализняк и ее коллеги, состоит в том, что оптимально включать в базу данных все зафиксированные переходы и одновременно пометать, где возможно, предположительные кальки.

3. Выбор между заимствованием и независимым развитием модели: иллюстрации

3.1. Нехарактерная для языка-реципиента модель

Аргумент за калькирование в лексике может состоять в нетипичности рассматриваемой модели полисемии для языка-реципиента (по сути эта идея высказывается в целом по отношению к заимствованию модели в [Thomason 2001: 91–95]). Яркий пример — употребление глаголов движения в нестандартных вариантах русского языка, стирающее различия по параметру способа движения. Таковы примеры (1)–(2) из русской речи носителей мордовских языков: в примере (1), записанном нами от носителя мокшанского языка¹, ожидалась бы глагольная форма *залетела*, в примере (2), зафиксированном в цитируемой статье при работе с носителями эрзянского языка, — форма *приехал*.

(1) *Зашла пчела что ли или муха в ухо.*

(2) *Мой отец **пришел** на тракторе.* [Щемерова 2014: 139]

Для современного русского языка такие контексты в целом аномальны; в частности, они не встречаются в диалектном подкорпусе НКРЯ и не характерны для поисковой выдачи в Google. В мордовских же языках глаголы движения зачастую не специфицированы по параметру способа, ср. в мокшанском *sams* ‘прийти, приехать, прилететь’, *suvats* ‘зайти, заехать, залететь’ и др.; развернутые иллюстрации представлены в (3)–(4).

(3) мокшанский

Эстокиге, мзярда Иисус нинге корхта-сь, са-сь
сразу когда Иисус еще говорить-PST.3SG прийти-PST.3SG
тоза Иуда, кемгафтуво-тне-нь эзда фкя-сь.

туда Иуда двенадцать-PL.DEF-GEN V.ABL один-SG.DEF

‘Сразу, когда Иисус еще говорил, туда пришел Иуда, один из двенадцати’.
[Webcorpora (Moksha): Апостол Марк (перевод Института перевода Библии), 2016]

¹ Полевые данные мокшанского языка и контактного варианта русского языка, обсуждаемые в данной статье, получены в с. Лесное Цибаево и с. Лесное Ардашево Темниковского района Мордовии.

- (4) МОКШАНСКИЙ
 Мордовия-в тона-ф-не-ма Даша са-сь Ульяновскяй
 Мордовия-LAT учить-CAUS-FREQ-NMLZ Даша прийти-PRST.3SG Ульяновский
 область-ста Высокий Колок веле-ста.
 область-EL Высокий Колок село-EL
 ‘Учиться в Мордовию Даша приехала из Ульяновской области, из села
 Высокий Колок’. [Webcorpora (Moksha): Мокшень правда, 2012.08.02]

Тем самым рассматриваемая модель, устойчивая в языке-источнике (мокшанском), приобретает параллель в языке-реципиенте (русском), будучи приемлемой, очевидным образом, не для всех носителей и вариантов последнего. Это позволяет говорить в данном случае о вероятном заимствовании модели.

Похожая логика применима к материалу языков, контактных с русским (но в этом случае аргументация осложняется невозможностью оценить данные таких вариантов этих языков, которые бы не контактировали с русским). Так, в ижемском диалекте коми языка² ситуация головокружения описывается, по нашим данным, аналитической конструкцией (5). Только для части носителей (6) возможно употребление в этом случае глагола *бергооны*, покрывающего широкий спектр ситуаций вращения субъекта вокруг собственной оси, см., например, (7) и подробные данные в [Круглякова 2010: 211–225]. Многие носители оценивают предложение (6) как аномальное, усматривая в нем только буквальную интерпретацию («как будто голова вращается вокруг собственной оси»). Таким образом, структура в (6) параллельна русской модели выражения обсуждаемого значения, однако является неестественной для части носителей и имеет более употребительную синонимичную конструкцию (5). Совокупность этих фактов дает основание предполагать заимствование модели в (6).

- (5) КОМИ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)
Юр-э гӧгер мун-э / ветл-э.
 голова-POSS.1SG кругом идти-PRS.3SG ходить-PRS.3SG
 ‘У меня голова кружится (букв.: идет / ходит кругом)’.

- (6) КОМИ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)
[?]*Юр-э берг-ал-э.*
 голова-POSS.1SG вращаться-DISTR-PRS.3SG
 ‘У меня голова кружится’.

- (7) КОМИ (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)
Листь-яс-ыс берг-ал-эныс чукар-эн.
 лист-PL-POSS.3SG вращаться-DISTR-PRS.3PL куча-INS
 ‘Листья кружатся кучей’.

² Исследовался говор с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО.

Еще один подобный пример касается прилагательных с семантикой ‘острый’ в мокшанском языке, а именно соотношения лексем *orža* и *pika* (см. подробнее [Бикина 2013; Кашкин и др. 2018: 824–825] о мокшанском материале, [Куuseva et al. 2022] о типологии). Прилагательное *pika* описывает предметы с заостренным концом, как те, у которых острота функционально значима (*pika nal* ‘острая стрела’), так и те, у которых острота характеризует только форму (*pika šalkə* ‘острый нос’, *pika pandə* ‘острая верхушка горы’). Прилагательное *orža* устойчиво сочетается с наименованиями режущих либо колющих предметов, которые должны быть острыми для нормального функционирования (*orža pejal'* ‘острый нож’, *orža uz'ər'* ‘острый топор’, *orža salmäks* ‘острая игла’); семантические различия между *orža* и *pika* при описании предметов с заостренным концом и функциональным признаком остроты не установлены. Однако с наименованиями предметов, у которых острота не функциональна, *orža* сочетается только в части идиолектов (*orža šalkə* ‘острый нос’, *orža pandə* ‘острая верхушка горы’), и эти контексты базово покрываются другой лексемой (*pika*). Учитывая, что русское прилагательное *острый* покрывает максимально широкий набор контекстов (ср. переводы мокшанских примеров), для лексемы *orža* можно предполагать калькированный характер тех употреблений, которые не выражают признак функциональности и являются приемлемыми не для всех носителей.

3.2. Упрощение: лексемы с широкой семантикой

В сравнении с приведенными в разделе 3.1 примерами нестандартного употребления глаголов движения рассмотрим примеры (8)–(9) из русской речи носителей горномарийского языка³:

(8) *В этом марийские свадьбы теперь в школе делают.*

(9) *...деревенские здесь делают свадьбы так.*

В русском литературном языке в таких контекстах был бы вероятнее употреблен не глагол *делать*, а глагол *организовать*, *проводить*, *устраивать* или др. Кроме того, для горномарийского языка стандартно выражение *süän-äm äšt-ät* (свадьба-ACC делать-NPST.3PL) ‘организуют (букв.: делают) свадьбу’. Эти обстоятельства могли бы послужить аргументом за заимствование модели, однако важно, что описанное употребление глагола *делать* встречается и в русском просторечии, и видимой связи с языковыми контактами оно не имеет:

(10) *Есть у людей деньги — делают свадьбу, нанимают организаторов.*
[Google: <https://citydog.io/post/wedding-minsk/>]

(11) *Анна, проблема в том, что в большинстве случаев, люди делают свадьбы не как хотят, а «как у всех», «как у людей», «как принято».* [Google: <https://journal.tinkoff.ru/svadba-za-million/>]

³ Полевые данные получены в с. Кузнецово и нескольких близлежащих деревнях Горномарийского района Республики Марий Эл.

Поэтому встретившееся нам русское выражение *делать свадьбу* не следует оценивать как бесспорную кальку из горномарийского языка. Учитывая широкую семантику и дистрибуцию глагола *делать*, можно усматривать в данном случае стратегию упрощения конструкции, которая фиксировалась в речи билингвов (см., например, [Даниэль, Добрушина 2013] о русской речи в Дагестане), но в общем случае не связана напрямую с контактными влияниями.

3.3. Социолингвистические факторы

При обсуждении вопроса о наличии или отсутствии заимствования модели необходимо учитывать то, в какой мере заимствованию способствует социолингвистическая ситуация. Помимо тривиального соображения о необходимости интенсивных контактов между предполагаемыми языком-источником и языком-реципиентом, это касается и социолингвистической биографии отдельных носителей. Более простой случай представляют локальные варианты русского языка, развивающиеся в контакте с другими языками России: нестандартные явления, связанные с влиянием контактирующего языка, в них наиболее распространены у носителей старшего возраста и меньшего уровня образования, хуже владеющих русским (см., например, [Кашкин 2020] о русской речи носителей мокшанского языка). В качестве более сложного примера рассмотрим употребление глаголов позиции в ижемском диалекте коми языка, а именно в говоре с. Самбург Пуровского района Ямало-Ненецкого АО (см. также [Кашкин, Муравьев 2020; Kashkin, Muraevyev 2021]). Если в целом в ижемском диалекте в контекстах функционального⁴ расположения субъекта используется, аналогично русскому языку, глагол *сулооны* ‘стоять’, как в примере (12) из говора с. Мужы, то у многих носителей говора с. Самбург в этом случае встречается глагол *пукооны* ‘сидеть’, как в (13) и аналогичных примерах, описывающих расположение чашки, тарелки, ловушки для птиц, скамейки.

(12) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Пызан</i>	<i>въл-а-с</i>	<i>сулал-іс</i>	<i>окмыс</i>	<i>чашка.</i>
стол	верх-LOC/ILL-POSS.3SG	стоять-PST.3SG	девять	чашка

‘На столе стояло девять чашек’. [Бирюк и др. 2010: 124]

(13) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Бльыд</i>	<i>пукал-э</i>	<i>пызан</i>	<i>въл-ын.</i>
блюдец	сидеть-PRS.3SG	стол	верх-LOC

‘Блюдец стоит (букв.: сидит) на столе’.

⁴ Под функциональной подразумевается такая ориентация субъекта в пространстве, при которой он типично используется в своей базовой функции, ср. рус. *Тарелка стоит на столе* (функциональная позиция, кодируемая глаголом *стоять*) и *Тарелка лежит в чемодане* (нефункциональная позиция, кодируемая глаголом *лежать*). Подробнее см. [Рахилина 2008: 288–312].

В тундровом ненецком языке, с которым интенсивно контактирует коми-ижемский говор с Самбурга⁵, в этом случае устойчиво глагол со значением ‘сидеть’, ср. пример (14), записанный от носителя тундрового ненецкого языка в том же селе:

- (14) тундровый ненецкий
xidya tol-h nuɲɲa ngamti-Ø.
чашка стол-GEN на сидеть-3SG
‘Чашка стоит (букв.: сидит) на столе’.

Трактовка описанной модели в самбургском коми как независимо развившейся или калькированной сталкивается с противоречивыми соображениями. Во-первых, возможность широкого употребления глагола со значением ‘сидеть’ не ограничивается рассмотренным ареалом: например, она фиксируется в марийских языках, ср. (15).

- (15) луговой марийский
Кол терке агроном-ын нер йымал-ны-жс=ак шинч-а.
рыба тарелка агроном-GEN нос низ-IN2-POSS.3SG=EMPH сидеть-NPST.3SG
‘Тарелка с рыбой стоит под самым носом агронома’. [СМЯ]

Во-вторых, обсуждаемая модель встречается в удорском, нижневычегодском и верхнесысольском диалектах коми языка, см. фрагментарные упоминания в [КСК II: 226–228]. Эти обстоятельства могли бы быть аргументами за независимое развитие функций лексемы *пукооны* ‘сидеть’ в самбургском говоре.

Важно, однако, что, во-первых, в других говорах ижемского диалекта широкое употребление глагола *пукооны* ‘сидеть’ не фиксируется. Во-вторых, обсуждаемая модель характерна для тех проживающих в Самбурге носителей ижемского коми, которые активно пользуются ненецким языком: это информанты, работающие (или значительное время работавшие) в смешанных оленеводческих бригадах с ненцами, говорящие или говорившие по-ненецки в смешанной семье (с супругой-ненкой, с отцом-ненцем при его жизни). В этом случае мы наблюдаем социолингвистическую ситуацию, представляющую аргумент за произошедшее в самбургском говоре заимствование модели.

3.4. Типология

При определении того, имеет ли место в конкретном случае заимствование модели, нужно учитывать типологические данные о распространенности этой модели. Так, в коми языке глагол *гӧрдлыны* ‘ржать (о лошади)’ может описывать громкий смех человека, см. пример (16) из литературного языка.

⁵ В Ямало-Ненецком АО (и в той или иной степени на сопредельных территориях) распространены четыре уральских языка (ненецкий, хантыйский, селькупский и коми), контактирующие друг с другом в различных сочетаниях в зависимости от района. Подробнее о языковых контактах в этом регионе см. [Кошкарева и др. 2017].

(16) коми

Мый нӧ гӧрдл-ан?! — ну-з-ис гӧтыр-ыс.
 что PTCL ржать-NPST.2SG кипеть-INCH-PST.3SG жена-POSS.3SG
 ‘Что ты ржешь? — вскипела жена’. [Webcorpora (Komi): Арт, 2014]

Поскольку в русском языке имеется аналогичная модель полисемии, а коми язык находится с русским в интенсивном контакте, то возникает основание предполагать заимствование модели. Однако переход ‘ржать’ → ‘громко смеяться’ встречается и во многих других языках, в том числе не контактирующих с русским. В базе данных [Звуки Му] он зафиксирован, в частности, в сербском (глагол *рзати*), армянском (глагол *խիլիջլիլ*), венгерском (глагол *nyerít*), индонезийском (глагол *meringkik*) языках; в [DatSemShift] приводятся также примеры перехода ‘to neigh’ (‘ржать’) → ‘to laugh’ (‘смеяться’) в норвежском (глаголы *knegge*, *humre*) и шведском (глагол *gnägga*) языках.

В качестве еще одного примера рассмотрим горномарийскую лексему *tör*: она имеет значения ‘прямой’, ‘ровный’ (*tör pandä* ‘прямая палка’, *tör ke* ‘иди прямо’, *tör kornä* ‘прямая / ровная дорога’, *tör sedärä* ‘ровный’ пол), причем исходным, по-видимому, является значение ‘прямой’ (см. обсуждение в [Кашкин 2018] на материале говора с. Кузнецово Горномарийского района и близлежащих деревень). Эта лексема применима и к откровенному, говорящему правду человеку (17), а также к действиям такого человека (ср. *tör jadmaš* ‘прямой вопрос’).

(17) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tädä tör edem, so ma-m šan-a, tädä-m
 он прямой человек всегда что-ACC думать-NPST.3SG он-ACC
rop-a.
 говорить-NPST.3SG
 ‘Он прямой человек, всегда что думает, то и говорит’.

Подобный семантический сдвиг, вместе с тем, распространен в языках мира, см. фиксацию сдвига ‘straight’ (‘прямой’) → ‘honest’ (‘честный, откровенный’) в 16 языках в [DatSemShift] (лексемы *uz* в гагаузском языке, *egyenes* в венгерском, *қәниҕ* в тигринья и др.), а также типологический анализ полисемии лексем со значением ‘прямой’ в [Лучина 2014].

Таким образом, оценка рассмотренных примеров расширения лексем *гӧрдлыны* ‘ржать’ в коми языке и *tör* ‘прямой, ровный’ в горномарийском языке оказывается противоречивой. С одной стороны, в них повторяются модели полисемии, характерные для русского языка. С другой стороны, эти модели полисемии распространены типологически, поэтому проблематично доказать, что они не могли развиваться независимо. В таких случаях говорить об однозначном калькировании, по-видимому, не следует.

3.5. Соотношение семантики единиц

В некоторых случаях лексема может приобретать новое значение под вероятным влиянием языкового контакта, но семантика параллельных лексем в кон-

тактирующих языках может существенно различаться. Так, в ижемском диалекте⁶ коми языка глагол *оротны* (литературное соответствие — *орѳдны*) имеет значение ‘рвать’, покрывая также области употребления русских приставочных дериватов (‘порвать’, ‘оторвать’, ‘оборвать’ и др.). Некоторые его метафорические употребления, ср. (18), имеют явные параллели в русском языке и, вполне вероятно, могут быть калькированными, учитывая широкую распространенность соответствующих контекстов в художественных и публицистических текстах на русском языке.

(18) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Война-ыс</i>	<i>орот-іс</i>	<i>сы-лысь</i>	<i>ол-эм-сэ.</i>
война-POSS.3SG	рвать-PST.3SG	ТОТ-GEN2	жить-NMLZ-ACC.POSS.3

‘Война оборвала его жизнь’.

Вместе с тем важно, что в ижемском коми значение ‘рвать’ может передаваться не только глаголом *оротны*, но и глаголом *косѳоны* (в литературном языке *косявны*). Лексема *оротны* относится к разрушению длинных вытянутых объектов: *гез-сэ орот-ны* (веревка-ACC.POSS.3 рвать-INF) ‘разорвать веревку’, *суньыс-сэ орот-ны* (нитка-ACC.POSS.3 рвать-INF) ‘разорвать нитку’ и т. п., а также к отделению объекта от другого объекта рывком: *кызь орот-ны* (пуговица рвать-INF) ‘оторвать пуговицу’. Глагол *косѳоны*, в свою очередь, сочетается с наименованиями плоских объектов: *дѳрем-сэ косял-іс* (рубашка-ACC.POSS.3 рвать-PST.3SG) ‘порвал рубашку’, *газет-сэ косял-іс* (газета-ACC.POSS.3 рвать-PST.3SG) ‘порвал газету’ и т. п. Метафорические употребления двух лексем также различаются: глагол *оротны* обозначает прерывание какого-либо протяженного события (жизни, разговора, сна), ср. (18), тогда как глагол *косѳоны* может описывать нарушение тишины или покоя, т. е. некоторой статичной ситуации (19), но не употребляется в контекстах, типичных для *оротны* (так, форма прошедшего времени *косяліс* была бы невозможна в (18)).

(19) коми (ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>Асья</i>	<i>лэнь-сэ</i>	<i>косял-іс /</i>	<i>*орот-іс</i>	<i>самолѳт.</i>
утренний	тихий-ACC.POSS.3	рвать-PST.3SG	рвать-PST.3SG	самолет

‘Утреннюю тишину нарушил самолет’.

Таким образом, мы не можем исключить русское влияние на развитие метафор коми-ижемского глагола *оротны*, но, даже если эти метафоры калькированы, их учет важен для типологических обобщений, а именно для понимания того, какие типы ситуаций семантической зоны разрушения связаны с теми или иными моделями семантического развития.

«Обратный» вопрос может состоять в том, все ли употребления лексемы калькируются, если даже происходит калькирование. В качестве примера рассмотрим употребление горномарийского прилагательного *kakl'aka* ‘кривой, извилистый’

⁶ Рассматривался говор с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО.

(*kakl'aka šur* ‘кривые рога’, *kakl'aka kəzə* ‘кривой нож’, *kakl'aka kornə* ‘извилистая дорога’ и др.), описанного в [Данилова 2020; Данилова, Кашкин 2023] на материале говора с. Кузнецово Горномарийского района и близлежащих деревень. Переносно оно применяется к рукам и ногам, описывая недостаточные навыки человека:

(20) ГОРНОМАРИЙСКИЙ
tədə kakl'aka kid-än, loca-m=at sev-äl-Ø a-k kerd.
 он кривой рука-PROП полка-ACC=ADD бить-АТТ-СВВ NEG.NPST-3 мочь
 ‘Он криворукий, даже полку не может прибить’. [Данилова, Кашкин 2023: 806]

(21) ГОРНОМАРИЙСКИЙ
kakl'aka jal-an, cilä väre čikt-ält-eš.
 кривой нога-PROП весь в_месте спотыкаться-MED-NPST.3SG
 ‘Кривоногий, везде спотыкается’. [ibid.]

У приведенных употреблений есть русские аналоги, ср. (22)–(23), и исключить калькирование полисемии в данном случае невозможно.

(22) *Ну подумайте сами, какая необходимость вам во мне, в этом жалком интеллигенте с кривыми руками, которые абсолютно, совершенно ничего не умеют делать?* [НКРЯ: Константин Симонов. Далеко на востоке (Халхин-гольские записки) (1948–1968)]

(23) *Самый кривоногий футболист сборной России, кто он?* [otvet.mail.ru, 2011 г.]

Вместе с тем в современном русском языке прилагательное *кривой* (и наречие *криво*) употребляются значительно шире, ср. продуктивные употребления, касающиеся плохого функционирования чего-либо:

(24) *То ли лампочка кривая, и как то там замыкает, то ли приборка гонит.*
 [Google: <https://www.audi-club.ru/threads/oshibki-rasshifrovka-po-nomeram-tut.142982/page-414>]

(25) *Передал нас компании-организатору, где гид криво говорит по английски...*
 [Google: <https://experience.tripster.ru/experience/Phuket/9421-morskie/reviews/?page=26>]

В горномарийском языке подобные контексты, однако, не встречаются, см. полученные при анкетировании носителей запреты носителей в (26)–(27) и отсутствие столь же продуктивного, как в русском языке, расширения лексемы *kakl'aka* в [СМЯ] и в литературном корпусе [KORP].

(26) ГОРНОМАРИЙСКИЙ
*tī lampočka xuda / *kakl'aka, a-k čükt-ält.*
 этот лампочка плохой кривой NEG.NPST-3 зажигать-MED
 ‘Эта лампочка плохая: она не горит’. [Данилова, Кашкин 2023: 806]

- (27) ГОРНОМАРИЙСКИЙ
*tädä xuda-n / *kakl'aka-n šajäšt-eš, ängäl-aš*
 он плохой-ADV кривой-ADV говорить-NPST.3SG понимать-INF
a-k li.
 NEG.NPST-3 становится
 ‘Он неразборчиво говорит, понять нельзя’. [Данилова 2020: 61]

Согласно [Рахилина, Наний 2016: 464–465], в НКРЯ описанный семантический сдвиг единиц *кривой / криво* становится продуктивным только с начала XXI в. В горномарийском языке эта модель, однако, не развилась (или не была калькирована), и употребление лексемы со значением ‘кривой’ в контекстах плохой функциональности ограничивается, по имеющимся данным, сочетаниями с существительными, означающими ‘руки’ и ‘ноги’. Давняя фиксация использующихся в переносном значении сочетания *кривые руки* и прилагательного *криворукий* в русском языке упомянута в [ibid.]: тем самым, горномарийская система повторяет более старый семантический сдвиг. Для сочетания *кривые ноги* и прилагательного *кривоногий*, по-видимому, долгое время были характерны только прямые употребления, ср. корпусные примеры (28)–(29) и словарные статьи в [МАС] (хотя переносное употребление в современном языке также развивается, ср. (23) выше). Такое сочетание закрепляется в горномарийском языке (возможно, в силу аналогии с контекстами *кривые руки / криворукий*), но более широкий класс употреблений с семантикой сниженной функциональности не развивается.

- (28) *Принц Рике, горбун, кривоногий, кривобокий, с бельмом на глазу и с огромным горбом.* [НКРЯ: Ф. А. Кони. Принц с хохлом, бельмом и горбом (1833)]
- (29) *Я вижу грудь в латах, вижу длинные, немного кривые ноги в лосинах и ботфортах, но лица никак разглядеть не мог.* [НКРЯ: А. Н. Апухтин. Между жизнью и смертью (1892)]

Таким образом, даже если существующие переносные употребления горномарийской лексемы *kakl'aka* развились под влиянием русского языка, исключать их из рассмотрения в лексико-типологическом исследовании было бы неверным, поскольку они демонстрируют различный охват метафорических контекстов с семантикой плохого функционирования.

3.6. Направление влияния

В отдельных известных нам примерах возникает вопрос о том, каким могло быть направление контактного влияния и было ли оно однонаправленным. Рассмотрим в этой связи некоторые употребления глагола *уметь*. В списке тегов корпуса Ruscontact в качестве иллюстрации лексической кальки приводится пример (30).

- (30) *А кто/ еще по-нанайски умеет (=понимает).* [ibid.]

Не имея собственных данных по нанайскому языку, мы, однако, обратили внимание, что аналогичная модель (употребление глагола *уметь* с зависимым адвербиалом,

обозначающим язык) распространена в записанных от носителей лугового марийского языка русских текстах корпуса Mari Russian Corpus, ср.:

- (31) *Почти все, большинство умели на татарском языке в деревне.* [Mari Russian Corpus]
 (32) *Она по-русски. А по-казахски не умели, ну, никто не умел.* [ibid.]
 (33) *По-марийски-то умеет и разговаривает, все понимает.* [ibid.]

Эта модель имеет параллель в луговом марийском языке: глагол *мошташ* ‘уметь’ (*куштен мошташ* ‘уметь плясать’, *урген мошташ* ‘уметь шить’ [СМЯ]) используется в примерах типа (34), где зависимое, обозначающее язык, кодируется симилиативом (падежом с показателем *-ла*).

- (34) луговой марийский
Мар-ла мошт-ет мо?
 мари-SIM уметь-NPST.2SG Q
 ‘По-марийски умеешь?’ [Webcorpora (Mari): Мари увер, 2008.04.08]

В то же время в корпусе [Webcorpora (Mari)] наиболее частотными словоформами в позиции непосредственно перед лексемой *мошташ*⁷ выступают деепричастия, указывающие на конкретное умение, как в (35): см. 216 вхождений в этой позиции формы *ышт-ен* (делать-CVB), 169 вхождений *умыл-ен* (понимать-CVB), 138 вхождений *му-ын* (находить-CVB) и мн. др.

- (35) луговой марийский
Шке йыр-ет моло-влак-ым чумыр-ен мошт-ет?
 REFL вокруг-POSS.2SG другой-PL-ACC собирать-CVB уметь-NPST.2SG
 ‘Ты умеешь объединять других вокруг себя?’ [Webcorpora (Mari): Марий тўвыра рўдер, 2014.02.16]

Словоформы *марла* и *рушла* встречаются непосредственно перед лексемой *мошташ* всего 9 раз и 4 раза соответственно, см. (34), (36). Таким образом, в луговом марийском языке эту модель можно признать периферийной.

- (36) луговой марийский
Мый вич и-яш-ем марте руш-ла
 я пять год-ATTR.MEAS-POSS.1SG до русский-SIM
мошт-ен омыл.
 уметь-CVB NEG.PRET.1SG
 ‘Я не говорил по-русски до 5 лет’. [Webcorpora (Mari): Марий Эл, 2006.01.28]

Поиск коллокаций в НКРЯ показывает, что для лексемы *уметь* также наиболее характерны сочетания с глаголами, описывающими навык (*уметь плавать, уметь читать, уметь пользоваться* и др.). Сочетания с адвербиалами, обозначающими

⁷ Проверялась препозиция относительно лексемы *мошташ* в силу того, что базовым порядком слов в луговом марийском языке является SOV.

язык, как и в луговом марийском языке, редки: так, во всей выдаче основного корпуса НКРЯ встретилось 5 релевантных примеров с контактной последовательностью лемм *уметь* и *по-английски*, по 4 релевантных примера — *уметь по-русски* и *уметь по-французски*. Некоторые иллюстрации приведены в (37)–(38).

(37) *Горяйнову он мгновенно ответил: — А вы, оказывается, не умеете по-русски. Горяйнов вздохнул.* [НКРЯ: Иван Александров, Глеб Григорьев. Курако (1939)]

(38) — *Он, знает, — циник, — усмехнулся мне мальчик, — и вы думаете, что он не умеет по-французски?* [НКРЯ: Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)]

Тем самым модель вида ‘уметь на языке X’ оказывается периферийна и в русском, и в луговом марийском языках. В НКРЯ мы встречаем явные примеры независимого развития (было бы странно предполагать влияние лугового марийского языка или упомянутого в начале подраздела нанайского языка на употребление конструкций в примерах типа (37)–(38)). Наблюдаемая картина, по-видимому, совместима с различными сценариями: влияние давно существовавшей в русском языке модели на конструкцию в луговом марийском; поддержание модели в локальном варианте русского языка благодаря ее существованию в луговом марийском; независимое развитие конструкции.

4. Заключение

Мы обсудили возможные аргументы, которые могли бы подтверждать заимствование модели в лексике.

Во-первых, заимствованная модель должна быть нехарактерна для языка-реципиента вне ситуации языкового контакта (в т. ч. в языке-реципиенте может иметься параллельная более употребимая модель для выражения рассматриваемого значения). На практике, однако, это соображение может сталкиваться со сложностями в оценке: так, для многих языков России недоступны (или доступны в крайне скудном объеме) данные, предшествующие периоду активных контактов с русским языком.

Во-вторых, заимствование модели должно иметь предрасполагающие социолингвистические факторы, касающиеся как интенсивного контакта между разными языками, так и языковой биографии отдельных носителей (что особенно важно проследживать в случае миноритарных языков, когда работа ведется с сообществом ограниченного масштаба).

При оценке некоей модели как исконной или заимствованной следует учитывать ее типологическую распространенность: для типологически частотных моделей утверждение о заимствовании без дополнительных аргументов становится проблематичным.

Заимствование модели следует отличать от лексического упрощения, когда на некоторый контекст начинает распространяться лексема с широкой семантикой (например, глагол со значением ‘делать’).

Зачастую лексема приобретает новое значение под вероятным влиянием языкового контакта, однако набор контекстов (фреймов), покрываемых параллельными лексемами в языке-источнике и в языке-реципиенте, существенно различается. Такие случаи, даже при их калькировании, релевантны для типологического исследования, поскольку более дробно демонстрируют взаимосвязи между различными типами употреблений.

В практической разметке корпусов контактных вариантов русского или других языков, в связи со сказанным, представляется рациональным решение отмечать все нестандартные употребления лексем, возможно, разграничивая случаи, которые разметчики считают кальками (с указанием в комментарии параллельной структуры в языке-источнике) либо независимым развитием. Полезными для пользователей могли бы быть и социолингвистические сведения о носителях.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AVL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADV — адвербиализатор; ATT — аттенуатив; ATTR.MEAS — атрибутивизатор с семантикой меры; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DEF — определенность; DISTR — дистрибутив; EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; FREQ — фреквентатив; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; IN — инессив; IN2 — непродуктивный инессив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LAT — латив; LOC — локатив; MED — медиопассив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROP — проприетив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число; SIM — симилятив; Q — вопросительная частица.

Литература

Бикина Д. А. К типологии лексем со значениями ‘острый’ и ‘тупой’: данные мокшанского языка // Проблемы лексико-семантической типологии. Сборник научных трудов. Вып. 2 / ред. А. А. Кретов. Воронеж: ВГУ, 2013. С. 5–20.

Бирюк О. Л., Кашкин Е. В., Кузнецова А. И., Усачёва М. Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка / под ред. А. И. Кузнецовой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. 320 с.

Данилова А. А. Семантическое поле кривой: данные горномарийского языка в свете типологии // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020 / ред. Кс. П. Семёнова. М.: Буки Веди, 2020. С. 58–65.

Данилова А. А., Кашкин Е. В. Лексемы, описывающие отклонения от прямой линии // Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / ред. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. М.: Буки Веди, 2023. С. 804–808.

Даниэль М. А., Добрушина Н. Р. Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:

По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). В 2-х т. Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). М.: РГГУ, 2013. С. 186–211.

Звуки Му — База данных глаголов звуков животных [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/zvukimu/> (дата обращения 05.04.2024).

Кашкин Е. В. Полисемия признаков лексем с семантикой ‘прямой’: данные горномарийского языка // Родной язык. 2018. № 2. С. 106–127.

Кашкин Е. В. Особенности русской речи носителей мокшанского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4. С. 110–131.

Кашкин Е. В., Багрянская У. Ю., Бибаева М. А., Бикина Д. А., Бобрёноква А. А., Егорова А. Д., Закирова А. Н., Козлов А. А., Муравьёва А. М., Никифорова С. О., Новикова Е. С., Привизнецва М. Ю., Сидорова М. А., Шалганова Т. А. Признаковая лексика // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / ред. С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизнецва, И. А. Стенин. М.: Буки Веди, 2018. С. 806–835.

Кашкин Е. В., Муравьев Н. А. ‘На столе сидит чашка’: о контактных изменениях в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. № 3. С. 118–145.

Кошкарёва Н. Б., Кашкин Е. В., Коряков Ю. Б., Казакевич О. А., Буркова С. И., Муравьев Н. А., Будянская Е. М. Диалектологический атлас уральских языков, распространённых на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / под общ. ред. Н. Б. Кошкарёвой. Калининград: РОС-ДООАФК, 2017. 256 с.

Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.

Круглякова В. А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе: дис. ... канд. филол. наук / РГГУ. М., 2010. 350 с.

КСК — Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах / под ред. Л. М. Безносиковой. Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола». Т. I, 2012, 1096 с. Т. II, 2014, 888 с.

Левонтина И. Б. Заимствования в современном русском языке и динамика русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 550–564.

Лучина Е. С. Пути грамматикализации лексем со значением ‘прямой’: дипломная работа / МГУ. М., 2014. 118 с.

МАС — Словарь русского языка в 4-х тт. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 05.04.2024).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения 05.04.2024).

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Рахилина Е. В., Наний Л. О. О системности в лексике: «прямые» и «кривые» семантические сдвиги // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 3. С. 448–469.

Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 60–78.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.

Северская О. И., Саакян Л. Н. Скрытые кальки и исконные модели частотных коллокаций // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля). Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2023. С. 419–426.

СМЯ — Словарь марийского языка в 10 тт. [Электронный ресурс]. URL: <https://marlamuter.com/muter/ru/> (дата обращения 05.04.2024).

Щемерова Н. Особенности проявления лексико-семантической интерференции в русской речи эрзянских детей-билингвов // Инструментарий русистики: ошибки и многоязычие / ред. А. Никунласси, Е. Ю. Протасова. Helsinki: University of Helsinki, 2014. P. 132–144.

DatSemShift — Database of Semantic Shifts in languages of the world [Электронный ресурс]. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения 05.04.2024).

Durkin Ph. Contact and lexical borrowing // The handbook of language contact / ed. by R. Hickey. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, 2020. P. 169–179

Epps P., Law D. Contact-induced semantic change // Language contact. An international handbook. Volume 1 / ed. by J. Darquennes, J. Salmons, W. Vandebussche. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2019. P. 38–52.

Grant A. (ed.). The Oxford handbook of language contact. Oxford: Oxford University Press, 2019. xxix + 757 p.

Haspelmath M., Tadmor U. (eds.). Loanwords in the World's languages. A comparative handbook. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009. 1081 p.

Haugen E. The analysis of linguistic borrowing. Language. 1950. № 26. P. 210–331.

Hickey R. (ed.). The handbook of language contact. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020. xvii + 779 p.

Kashkin E., Muravyev N. Izhma Komi in Western Siberia: at the crossroads of language contact // Language contact in the territory of the former Soviet Union / ed. by D. Forker, L. Grenoble. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 119–142.

KORP — Lars Borin, Markus Forsberg and Johan Roxendal. 2012. Korp — the corpus infrastructure of Språkbanken. [Online resource]. URL: https://gtweb.uit.no/u_korp/ (accessed 05.04.2024).

Kyuseva M., Parina E., Ryzhova D. Methodology at work: semantic fields SHARP and BLUNT // The typology of physical qualities / ed. by E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2022. P. 29–55.

Manfredi S. Contact and calquing // Arabic and contact-induced change / ed. by Ch. Lucas, S. Manfredi. Berlin: Language Science Press, 2020. P. 625–641.

Mari Russian Corpus — Corpus of Russian spoken in Mari El [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/MariRus/#/> (дата обращения 05.04.2024).

Matras Y. Language contact. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. xvi + 366 p.

Mott B., Laso N. Semantic borrowing in language contact // The Oxford handbook of language contact / ed. by A. Grant. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 155–172.

Rakhilina E., Reznikova T. A Frame-based methodology for lexical typology // The lexical typology of semantic shifts / ed. by P. Juvonen, M. Kortjevskaja-Tamm. Berlin, Boston: de Gruyter, 2016. P. 95–130.

Ruscontact — The corpus of contact-influenced Russian [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/wsgi3/ruscontact/search> (дата обращения 05.04.2024).

Thomason S. Language contact. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. x + 310 p.

Webcorpora (Komi) — Корпуса коми-зырянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://komi-zyrian.web-corpora.net/> (дата обращения 05.04.2024).

Webcorpora (Mari) — Корпуса лугового марийского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://meadow-mari.web-corpora.net/> (дата обращения 05.04.2024).

Webcorpora (Moksha) — Корпуса мокшанского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://moksha.web-corpora.net/> (дата обращения 05.04.2024).

Zalizniak Anna, Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology // Linguistics. 2012. № 50–3. P. 633–669.

E. V. Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

egorka1988@gmail.com

PATTERN BORROWING IN LEXICAL SEMANTICS: SOME EMPIRICAL OBSERVATIONS

The article deals with pattern borrowing in lexical semantics. In this case, a lexeme of one language copies a polysemy pattern from a contact language. The discussion is based on the data from my fieldwork with some Uralic languages spoken in Russia and strongly influenced by Russian (along with the influence of other indigenous languages, which is present in some cases). Data from local varieties of Russian which are undergoing contact-induced changes are also considered. The analysis of field data is complemented by corpus material. On the basis of several case studies, I discuss possible arguments for pattern borrowing (innovation for the recipient language; the existence of another

pattern for the same meaning in the recipient language; sociolinguistic factors related either to the language/dialect in general or to the speaker's background). Some methodological issues are considered, such as assessing the typological distribution of a pattern in question; distinguishing between pattern borrowing and simplification; semantic and collocational differences between the lexemes in the source language and in the recipient language; tracing the direction of possible borrowing.

Keywords: lexicon, semantics, typology, pattern borrowing, language contact, sociolinguistics, Russian language, Uralic languages

References

Bikina D. A. [Towards the typology of lexemes meaning 'sharp' and 'blunt': evidence from Moksha]. *Problemy leksiko-semanticheskoi tipologii. Sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2* [Problems of lexical semantic typology. Collection of articles. Vol. 2]. A. A. Kretov (Ed.). Voronezh, VSU Publ., 2013, pp. 5–20. (In Russ.)

Biryuk O. L., Kashkin E. V., Kuznetsova A. I., Usacheva M. N. *Slovar' muzhevskogo govora izhemskego dialekta komi-zyryanskogo yazyka* [Dictionary of the Muzhi subdialect of Izhma Komi]. A. I. Kuznetsova (Ed.). Ekaterinburg, "Basko" Publ., 2010. 320 p. (In Russ.)

Daniel' M. A., Dobrushina N. R. [A corpus of Russian as L2: the case of Daghestan]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya — 2 iyunya 2013 g.). V 2-kh t. T. 1: Osnovnaya programma konferentsii. Vyp. 12 (19)* [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference "Dialogue" (Bekasovo, 29 May — 2 June 2013). Vol. 1: Main conference program. Issue 12 (19)]. Moscow, RSUH Publ., 2013, p. 186–211. (In Russ.)

Danilova A. A. [The semantic domain of CROOKED: evidence from Hill Mari in the light of typology]. *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020* [Minority languages in large linguistics. Proceedings volume of the Conference 2020]. Ks. P. Semenova (Ed.). Moscow, Buki Vedi Publ., 2020, pp. 58–65. (In Russ.)

Danilova A. A., Kashkin E. V. [Lexemes describing deviations from a straight line]. *Elementy gornomariiskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Hill Mari from the typological perspective]. E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler, T. I. Davidyuk, V. V. D'yachkov, V. A. Ivanov, D. D. Mordashova, P. S. Pleshak, I. A. Khomchenkova (Eds.). M., Buki Vedi Publ., 2023, pp. 804–808. (In Russ.)

Database of Semantic Shifts in languages of the world. Available at: <https://datsemshift.ru/> (accessed 05.04.2024).

Durkin Ph. Contact and lexical borrowing. *The handbook of language contact.* R. Hickey (Ed.). Hoboken, NJ, Wiley Blackwell, 2020, pp. 169–179.

Epps P., Law D. Contact-induced semantic change. *Language contact. An international handbook. Volume 1.* J. Darquennes, J. Salmons, W. Vandebussche (Eds.). Berlin, Boston, de Gruyter Mouton, 2019, pp. 38–52.

Grant A. (Ed.). *The Oxford handbook of language contact.* Oxford, Oxford University Press, 2019. xxix + 757 p.

Haspelmath M., Tadmor U. (Eds.). *Loanwords in the World's languages. A comparative handbook*. Berlin, New York, de Gruyter Mouton, 2009. 1081 p.

Haugen E. The analysis of linguistic borrowing. *Language*, 1950, no. 26, pp. 210–331.

Hickey R. (Ed.). *The handbook of language contact*. Hoboken, NJ, Wiley-Blackwell, 2020. xvii + 779 p.

Kashkin E. V. [Polysemy in Hill Mari lexemes expressing the concept of 'straight']. *Rodnoi yazyk*, 2018, no. 2, pp. 106–127. (In Russ.)

Kashkin E. V. [Some peculiarities of the Russian speech of Moksha speakers]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2020, no. 4, pp. 110–131. (In Russ.)

Kashkin E. V., Bagryanskaya U. Yu., Bibaeva M. A., Bikina D. A., Bobrenkova A. A., Egorova A. D., Zakirova A. N., Kozlov A. A., Murav'eva A. M., Nikiforova S. O., Novikova E. S., Privizentseva M. Yu., Sidorova M. A., Shalганova T. A. [Terms for qualities]. *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Moksha from the typological perspective]. S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin (Eds.). Moscow, Buki Vedi Publ., 2018, pp. 806–835. (In Russ.)

Kashkin E. V., Murav'ev N. A. ['A cup is sitting on the table': On the contact-induced change in the subdialects of Izhma Komi spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, no. 3, pp. 118–145. (In Russ.)

Kashkin E., Muravyev N. Izhma Komi in Western Siberia: at the crossroads of language contact. *Language contact in the territory of the former Soviet Union*. D. Forker, L. Grenoble (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2021, pp. 119–142.

Komi sernisikas kyvchukör. Slovar' dialektov komi yazyka: v 2-kh tomakh [Dictionary of Komi dialects]. L. M. Beznosikova (Ed.). Syktyvkar: OOO «Izdatel'stvo «Kola» Publ, vol. I, 2012, 1096 p, vol. II, 2014, 888 p. (In Russ.)

KORP — Lars Borin, Markus Forsberg and Johan Roxendal. 2012. *Korp — the corpus infrastructure of Språkbanken*. Available at: https://gtweb.uit.no/u_korp/ (accessed 05.04.2024).

Korpusa komi-zyrianskogo yazyka [Komi-Zyrian corpora]. Available at: <http://komi-zyrian.web-corpora.net/> (accessed 05.04.2024).

Korpusa lugovogo mariiskogo yazyka [Meadow Mari corpora]. Available at: <http://meadow-mari.web-corpora.net/> (accessed 05.04.2024).

Korpusa mokshanskogo yazyka [Moksha corpora]. Available at: <http://moksha.web-corpora.net/> (accessed 05.04.2024).

Koshkareva N. B., Kashkin E. V., Koryakov Yu. B., Kazakevich O. A., Burkova S. I., Murav'ev N. A., Budyanskaya E. M. *Dialektologicheskii atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets autonomous district]. N. B. Koshkareva (Ed.). Kaliningrad, ROS-DOAFK Publ., 2017. 256 p. (In Russ.)

Kruglyakova V. A. *Semantika glagolov vrashcheniya v tipologicheskoi perspektive*. Diss. kand. filol. nauk [Semantics of rotation verbs in a typological perspective]. Moscow, 2010. 350 p. (In Russ.)

Krysin L. P. [Lexical borrowings and calques in the Russian language of the last decades]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2002, no. 6, pp. 27–34. (In Russ.)

Kyuseva M., Parina E., Ryzhova D. Methodology at work: semantic fields SHARP and BLUNT. *The typology of physical qualities*. E. Rakhilina, T. Reznikova, D. Ryzhova (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2022, pp. 29–55.

Levontina I. B. [Borrowings in contemporary Russian and the dynamics of the Russian language picture of the world]. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennnye russkoi yazykovoi kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2012, pp. 550–564. (In Russ.)

Luchina E. S. *Puti grammatikalizatsii leksem so znacheniem 'pryamoj'*. Diploma paper [Grammaticalization paths of lexemes meaning 'straight']. Moscow, 2014. 118 p. (In Russ.)

Manfredi S. Contact and calquing. *Arabic and contact-induced change*. Ch. Lucas, S. Manfredi (Eds.). Berlin, Language Science Press, 2020, pp. 625–641.

Mari Russian Corpus — *Corpus of Russian spoken in Mari El*. Available at: <http://lingconlab.ru/MariRus/#/> (accessed 05.04.2024).

Matras Y. *Language contact*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. xvi + 366 p.

Mott B., Laso N. Semantic borrowing in language contact. *The Oxford handbook of language contact*. A. Grant (Ed.). Oxford, Oxford University Press, 2019, pp. 155–172.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian national corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 05.04.2024).

Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of terms for objects: semantics and combinability]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Nanii L. O. [STRAIGHT and CURVED: semantic shifts]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2016, no. 3, p. 448–469. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Prokof'eva I. A. [Lexical typology of cognate languages: Russian and Polish verbs of rotation]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2004, no. 1, pp. 60–78. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I. [Frame-based approach to lexical typology]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2013, no. 2, p. 3–31. (In Russ.)

Rakhilina E., Reznikova T. A Frame-based methodology for lexical typology. *The lexical typology of semantic shifts*. P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (Eds.). Berlin, Boston, de Gruyter, 2016, pp. 95–130.

Ruscontact — The corpus of contact-influenced Russian. Available at: <http://webcorpora.net/wsgi3/ruscontact/search> (accessed 05.04.2024).

Severskaya O. I., Saakyan L. N. [Hidden calques and primordial models of frequency collocations]. *Yazyk-tekst-diskurs v novykh usloviyakh kommunikatsii (k 60-letiyu profesora T. B. Radbilya)* [Language-text-discourse in the new conditions of communication (towards the 60th anniversary of the professor T. B. Radbil)]. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2023, pp. 419–426. (In Russ.)

Shchemerova N. [Peculiarities of lexical semantic interference in the Russian speech of Erzya bilingual children]. *Instrumentarii rusistiki: oshibki i mnogoyazychie* [Instrumentarium of Russian studies: errors and multilingualism]. A. Nikunlassi, E. Yu. Protasova (Eds.). Helsinki, University of Helsinki, 2014, pp. 132–144. (In Russ.)

Slovar' mariiskogo yazyka v 10 tt. [Dictionary of Mari in 10 vol.]. Available at: <https://marlamuter.com/muter/ru/> (accessed 05.04.2024).

Slovar' russkogo yazyka v 4-kh tt. [Dictionary of Russian in 4 vol.]. Available at: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 05.04.2024).

Thomason S. *Language contact*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2001. x + 310 p.

Zalizniak Anna, Bulakh M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Russo M. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*, 2012, no. 50–3, pp. 633–669.

Zvuki Mu — *Baza dannykh glagolov zvukov zivotnykh* [Database of verbs describing animal sounds]. Available at: <http://web-corpora.net/zvukimu/> (accessed 05.04.2024).